

A warm, sunlit interior scene featuring a cup of coffee on a wooden table. In the foreground, a white ceramic cup filled with a frothy coffee drink sits on a matching saucer. To the left, a large potted plant with broad green leaves is partially visible. To the right, another plant with smaller, more delicate leaves is in focus. The background shows a window with a dark frame, through which bright sunlight filters, creating a bokeh effect of light and shadow on the foliage outside. The overall atmosphere is cozy and inviting.

Виктория Оралина
**Кофе и
солнце**

Виктория Оралина

Кофе и солнце

<https://litres.ru/73820792>

SelfPub; 2026

Аннотация

А кофе в чашке был не просто напитком. Он был тихим соучастником, тёплым янтарным светильником, в котором отражалось ещё спящее солнце. «Утро — мудренее вечера», — вспомнилось почему-то, и эта простая истина вдруг наполнилась новым, густым, как этот аромат, смыслом. Каждый глоток был не просто глотком — это был ритуал перехода из мира снов в мир истории, что раскрывалась на страницах. Бумага под пальцами шептала обещания, и герой на первой главе, такой же немного сомневающийся и ещё не проснувшийся, стал мгновенно своим.

Виктория Оралина

Кофе и солнце

Цветок

Касание его лепестков — предвестие небытия, сладкий яд, что проникает сквозь кожу, словно шепот сирен, манящий в бездну. Его аромат, как густая завеса из тысяч ночных фиалок, окутывает разум, размывая границы между реальностью и сновидением, оставляя лишь предвкушение сладкого забвения. Он — воплощение той дьявольской красоты, что рождается на стыке жизни и смерти, цветок, чья нежность скрывает в себе силу разрушения.

Легенды шепчут о тех, кто осмелился искать его уединения, обретая взамен лишь тлен и прах. Его корень, подобно жадному кольцу, впивается в землю, вытягивая жизненные соки из всего, что осмелится приблизиться, превращая живое в иссохшую тень. Каждая его росинка — это слеза падших богов, что упала на землю, проклиная всякое существо, устремившееся к запретному знанию.

Но манит он не только гибелью. В его сердце, где пульсирует тьма, скрыта тайна — ключ к величайшим откровени-

ям, что доступны лишь тем, кто готов заплатить высшую цену. Он — зеркало души, отражающее самые потаенные желания и самые глубокие страхи, искушая каждого, кто несет в себе тень сомнения. "Ибо в красоте его таится истина, " — вторили древние тексты, — "а истина сия, как огонь, испепеляет все лишнее, оставляя лишь ядро бытия. "

Так и стоит он, одинокий властелин своей безмолвной вотчины, царственный и смертоносный. Его красота — это вызов, приглашение к танцу с самой смертью, где вместо музыки звучит шелест его ядовитых листьев, а вместо партнеров — призраки потерянных душ. Он — безмолвный проповедник парадоксов, цветов, что учит ценить жизнь, лишь будучи воплощением ее конца.

Четыре стены, четыре опоры.
Четыре стены, четыре опоры,
Я спряталась так, не ищи.
Не трогай струны моей души,
Не нарушай покоя, что строю.

В этом убежище, где тишина — мой щит,
Я прячусь от мира, от суеты.
Здесь нет места боли, нет пустоты,
Лишь тихий шепот, что внутри звучит.

Мои стены – это мой покой,
Мои опоры – моя вера в себя.
Я строю крепость, где лишь я одна,
Где не найдешь меня, какой бы ни была.

Не ищи во мне того, что было,
Тех прежних страхов, старых ран.
Я новая, и это мой план,
Чтобы обрести себя, забыв все силы.

Пусть мир кружится, пусть идет своим путем,
Я здесь, в своей башне, наедине с собой.
Моя поэма – это мой бой
С собой, чтобы обрести потерянный дом.

И если ты услышишь эту песнь,
Знай, что это голос моей души.
Она хочет тишины, хочет спать,
И обрести свой истинный смысл.

Мой дом — не камень, не из дерева,
Он соткан из молчанья, из отрешенности.
Здесь каждый вздох — акт самосохранения,
А каждый взгляд — как тонкое забвенье.

Я не заносу сюда чужие беды,

Не приглашаю призраков из прошлого.
Этот мир — моя личная победа,
Освобожденная от всего невозможного.

Пусть суета останется за дверью,
Пусть крики улиц не достигнут слуха.
Я здесь творю свою тихую империю,
Где даже тень приобретает суть духа.

И если ты однажды постучишься,
Не ожидай увидеть прежних глаз.
Ты встретишь лишь эхо, отраженье,
Той, кто был, и кто ушел от нас.

Я не прошу тебя понять — зачем,
Куда ведут мои невидимые тропы.
Достаточно того, что я нашла свой плен,
Где обрекла себя на вечные эпохи.

Все из рук вон, летит как пыль в шторм,
Что я делаю не так? Разум, ты мой бро,
Спаси меня от хаоса, от бренности, от бурь,
Ибо жизнь, поверь, порой — та еще скульптура!

Вот вроде бы всё гладко, словно масло на блин,

А тут на тебе — чашка с кофе на пол, как блин!
Или ключевая фраза в отчёте — "огурцы",
Когда речь шла о квартальной прибыли, черт возьми!

Я что, в параллельной реальности живу, где всё наоборот?
Где "да" означает "нет", а "ура" — "срочно наоборот"?
Может, звёзды сегодня не в ту сторону встали?
Или я просто разучился жить, а не только мечтать?

А этот внутренний голос, что шепчет: "Ты дурак! "
Он, признаюсь, бывает навязчив, как старый кабак.
Но я ему отвечаю: "Не сегодня, дружок!
Сегодня я — гений, творца новый виток! "

И пусть всё летит из рук — зато с каким размахом!
В этой суматохе, авось, и откроется новый путь.
Ведь даже в беспорядке есть своя красота,
Если смотреть на неё с улыбкой и без суеты!

Так что, разум, держись! Нас ждут подвиги, новые взлёты,
И пусть мир вокруг кажется хаотичным, как детские фото.
Мы найдём в нём свой ритм, свою мелодию, свой такт,
И станцуем такой танец, что все скажут: "Вот это факт! "

Омут: Стихия Страстей и Мечтаний

В глубинах бытия, где время — река,

И суетный мир — лишь мелкая пыльца,
Расплескался Омут, зеркало души,
Где тонут сомненья, где страсти спешат.

Ах, этот Омут! Не просто воды гладь,
А вихрь эмоций, от коего не сбежать!
Там каждая волна — то вздох, то крик,
И каждый блик — мечта, что рвётся в миг!
Вот он, Омут, плещет, как живой,
То шёпотом нежным, то бурей слепой!
Он манит, он зовёт, он держит в плену,
И всякий, кто в сердце его пустит, — тону!

Здесь тонут печали, как пузырьки в пене,
И радости бьют, словно чайки по сцене.
А страсти, как сомы, глубоко залеглись,
И мысли, как водоросли, в танце сплелись.
В Омуте этом — вся наша жизнь,
От первого вздоха до финальных "прости".
Он — страсть, он — сомненье, он — боль, он — полёт,
И каждый в нём свой, особенный, ищет восход!

Пусть воды мутны, пусть дно не видать,
Но душу влечёт этот тайный, зовущий взгляд.
Ведь в Омуте каждом — своя красота,
И если с отвагой нырнуть — чудеса!

И пусть ты не найдешь там ни золота, ни жемчуга,
Ты выйдешь другим, ты поймешь — это главная выюга!
Омут — это жизнь, что не знает преград,
И каждый из нас — его главный парад!

"Метель и Выюга"

I.

Метель – белая колдунья, в танце смерти кружит снег,
Как саван, накрывает землю, замедляя жизни бег.
Ее дыхание – леденящий шепот, пронзающий до костей,
Она – властительница стужи, королева зимних ночей.

II.

Выюга – сестра ее, неистова и зла,
Воеет ветром-волком, ярость в ней полна.
Срывает крыши, гнет деревья до земли,
Бушует, словно демон, в ледяной дали.

III.

"Мороз и солнце; день чудесный! " – Пушкин шепчет из
тепла,

Но здесь, в объятьях Выюги, эта нежность вся прошла.
Здесь только вой, и тьма, и снега пелена,

Здесь правит бал стихия, беспощадна и темна.

IV.

Метель, как призрак, льнет к окну морозною рукой,

Вьюга гонит хлопья снега бешеной рекой.

И кажется, что мир исчез, поглощенный тьмой и льдом,

И только сердце бьется робко, в страхе ледяном.

V.

Но даже в этой буре есть своя суровая краса,

В хаосе стихии – дикий танец небеса.

Метель и Вьюга – две сестры, в безумном торжестве,

Рисуют зиму на земле, не подчиняясь никому.

VI.

И путник, застигнутый врасплох, в плену стихийных сил,

Укрыться тщетно ищет, ветер воет что есть сил.

"Безумству храбрых поем мы славу!" – лишь эхо донесет,

А здесь, в снегах, лишь завыванье, да смерти зимний сон.

VII.

Но вот, вдали, мерцает огонек, надежды тихий луч,

Приют тепла манит усталых, словно светлячок из туч.
Там печь трещит, и чай дымится, и сказки шепчет ночь,
Забыв про ярость Вьюги, про Метели колдовскую мощь.

VIII.

И замерзает на окне, морозный свой узор,
Метель смиряет свой порыв, стихает ветров хор.

"Зима!.. крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет
путь",

А за стеной все так же воеет, но страх ушел чуть-чуть.

IX.

Проходят ночи, дни бегут, уходит зимний плен,
И солнце робко выглянет, рассеяв тьмы тлен.
Метель и Вьюга, две сестры, уснут до новой зимы,
Оставив в памяти лишь отголоски ледяной кутерьмы.

X.

И вот она, весны живая кисть, коснулась мерзлой полосы
земли,

И запоют ручьи, как будто кто-то вдруг развязал узлы.

"Мороз и солнце; день чудесный! " – воскликнет путник
молодой,

Узрев сквозь снег подснежника глазок, как вестника поры
иной.

XI.

Деревья в робком ожидании, как будто девы, пред алтарем
весны,

Раскроют нежные листочки, будто снятся им цветные сны.
И птицы, певчие поэты, на ветках гимны запоют,
И старый мир, забыв про холод, вдохнет весны благой
приют.

XII.

Как феникс из пепла зимней стужи, природа возродится
вновь,

Наполнив воздух ароматом жизни, пробуждая в сердце
вновь любовь.

Зима уйдет, как злая сказка, оставив лишь в дали едва
уловимый след,

А впереди – весна, надежда, солнце, и вечный жизни свет.

XIII.

И путник, сбросив зимней спячки бремя, направит к
солнцу свой свободный шаг,

Вдыхая полной грудью воздух воли, позабыв про зимний мрак.

"Природа жаждет", как сказал поэт, и жажда эта утолится с полна,

И зазвучит симфония жизни, где зима – лишь краткая сцена.

XIV.

И словно кисть художника-творца, весна палитрой красок заиграет,

В травы изумрудные оденет нивы, и небо синюю нежной обаяет.

"Весна идет, весна идет! И тихих, теплых майских дней румяный, светлый хоровод! ", – как будто слышен голос Фета,

Встречающего чудо пробуждения, где каждый листик – словно новой жизни обет.

XV.

И бабочки, как будто письма лета, порхают между первыми цветами,

Сквозь кружево ветвей пробившись, солнце нежным шепотом ласкает землю под ногами.

"О весна без конца и без краю – без конца и без краю меч-

та! ", – как говорил Блок, плененный красотой,

И каждый вздох весны, как музыка небес, рождает в сердце трепет неземной.

XVI.

И словно арфа, лес шумит листвою, настраивая душу на любовь и свет,

И каждый лучик солнца, как послание свыше, развеивает сумрачный, угрюмый бред.

"Унылая пора! очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса...", – но Пушкин прав лишь отчасти, ведь весна прекрасней во сто крат,

Когда природа оживает, и в каждом сердце расцветает дивный сад.

XVII.

И путник, вновь обретая крылья веры, идет вперед, дорогой новой и прямой,

Вдыхая аромат цветущих яблонь, и забывая о печалях зимней тьмы.

Весна – не просто время года, это – состояние души,

Когда надежда заново рождается, и мир сияет, свеж и хорош!

Крылья

Мне бы крылья, чтоб летать в небе высоко,
Оставить землю, где тоска, как камень, жмёт.
Раскинуть перья, словно паруса из снов,
И ощутить, как ветер вольностью зовёт.

Мне бы крылья, чтоб парить над суетой,
Где каждый шаг – борьба, где каждый вздох – обуза.
Как птица Феникс, воспарить над пеленой,
Испепелив сомнения, страхи и на лузу,
Судьбе сыграть в бесстрашный эскапизм.

Мне бы крылья, чтоб увидеть мир иной,
Где краски ярче, звуки – словно лира.
Где солнце – золотой, пылающий огонь,
А облака – лишь шёлк, сотканный из эфира.
Чтоб сердцем ощутить вселенский гимн.

Мне бы крылья, чтобы к звёздам дотянуться,
Почувствовать их вечность, их холодный жар.
Забуть земные цепи, просторы распахнуть,
И, как сказал поэт: "Там воля, где нет жара".
Найти себя в безбрежности космических глубин.

Мне бы крылья... Но лишь мечта – мой компас,
И в ней живу, летаю, пусть и без пера.

Ведь в каждом сердце – тот желанный парус,
Что сквозь страдания нас ведёт всегда,
К свету, к свободе, побеждая тени ада.

Мне бы перо жар-птицы, чтоб писать послания луне,
Рисуя в звездной пыли мечты неуловимые.
Чтоб каждая строка, как эхо в вечной тишине,
Звучала гимном счастья, сквозь годы нерушимым.

Мне бы крылья, чтобы с ангелами в хоре петь,
Их голоса – как звон хрустальный, чистый, неземной.
Забыть про горести, про страх, про смерти сеть,

И с каждым взмахом крыльев приближаться к той звезде
одной,

Что маяком надежды светит в мгле ночной.

И пусть твердят, что крылья – это только сон,
Что места нет для сказки в мире столь суровом.
Я верю, каждый сам себе Колумб, Христофор,
Открывший в сердце континент, доселе незнакомый.

Ведь "сердцеведец и мудрец" – лишь тот, кто в жизнь
влюблён.

Мне бы крылья... И пусть они не из пера,
А из надежды, веры, из любви безбрежной.
Внутри себя мы все – немного детвора,

С душою, жаждущей мечты невинной, нежной.
Взмахнём же крыльями, оставив позади вчера!

Мне бы кисть художника, что видит суть вещей,
И краски – как рассвет, как лепестки багряной розы.
Чтоб каждый мазок – откровение для души моей,
Картина мира, где нет места прозе,
Где только вечность, музыка и грёзы.

Мне бы сердце Данте, что сквозь ад пройдет,
Не потеряв ни капли веры и любви.
Чтоб каждый миг, как праздник, душу обретёт,
И в каждом вздохе – «быть или не быть» –
Вопрос, достойный только вечно жить.

Ведь жизнь – не шахматная партия, где каждому свой ход,
А танец ветра в поле, песня птицы в небе синем.
Не бойся быть собой, лететь вперёд,
Искать сокровища души, что скрыты в сердце ныне.
Взмахни крылами, путник, стань свободным словом!

Пусть говорят, что мир жесток и полон зла,
Что нет чудес, а сказка – лишь обман мечтаний.
Но верь, в душе горит огонь добра,
И каждый взмах твоих крыльев – свет в мироздании.
Взмахни же, верь, люби – и победишь отчаяние!

Сердце, как бабочка, мечется в клетке ребер

Почему так больно в груди? Что я сделала не так? Этот вопрос гвоздем вонзился в сознание, каждый удар молотка – пульсация в такт боли. "Что посеешь, то и пожнешь", – гласит народная мудрость. Но какие же семена я разбросала по полю своей жизни, что взошли колючими розами скорби?

Грудь сдавило тисками тоски, словно ледяной кокон сковал жаркое пламя души. "Сердце, как бабочка, мечется в клетке ребер", – вспоминается строка из старой песни. Но бабочка ли это, или хищная птица, расклевывающая изнутри остатки надежды? Боль – это горький нектар, который пьет разочарование, опьяняя разум и затуманивая взгляд.

В чем моя вина? Ошибка ли это, совершенная впопыхах, или тяжкий грех, годами копившийся во мраке души? "Не судите, да не судимы будете", – шепчет внутренний голос, но разве можно избежать суда собственной совести? Боль – это судья, беспощадный и неумолимый, выносящий приговор прямо в сердце.

И все же, сквозь пелену слез и отчаяния пробивается луч надежды. "После дождя всегда выходит солнце", – говорили мудрецы. Может быть, эта боль – не кара, а урок? Возможность переосмыслить жизнь, исправить ошибки и начать все

с чистого листа. Боль – это очищающий огонь, который выжигает все лишнее, оставляя лишь истинную сущность. И, быть может, из пепла боли возродится новая, сильная и прекрасная, как феникс из огня.

Но как отделить зерна истины от плевел заблуждений? Как разглядеть свет в этой крошечной тьме, когда каждый шаг отзывается эхом боли? "Ищите и обрящете", – эхом доносится из глубин памяти. Нужно найти свой путь, свою тропинку в этом лабиринте страданий, не поддаваясь отчаянию и не теряя веры в себя.

Боль – это компас, указывающий направление к исцелению. Нужно лишь научиться читать его показания, понимать его знаки. Нельзя бежать от боли, нельзя прятаться от нее. Нужно встретиться с ней лицом к лицу, признать ее силу и покориться ее урокам. "Познай самого себя", – гласила надпись на вратах Дельфийского оракула. Именно через боль мы познаем себя настоящего, свои слабости и свои сильные стороны.

Возможно, я сеяла семена эгоизма и нетерпимости, поливала их слезами обид и укулов. Возможно, я забыла о милосердии и сострадании, о любви и прощении. Но никогда не поздно начать все сначала, исправить ошибки и засеять поле своей жизни новыми семенами – семенами добра, надежды

и любви.

Боль – это временное испытание, а не вечный приговор. "И это пройдет", – говорили мудрые цари. Нужно пережить этот период, выдержать натиск стихии и дожждаться рассвета. Нужно верить в себя, верить в свои силы и верить в то, что после бури всегда наступает штиль. И тогда, из пепла боли, возродится новая, счастливая и полная гармонии жизнь.

А больно ли ходить осколкам?

А больно ли ходить осколкам?

Ступать по стеклу разбитых надежд,

Когда душа изранена иголками,

И сердце бьется в страхе, без одежд?

А больно ли нести в себе осколки,

Воспоминаний острых, как ножи,

Что режут память, словно в долгой колке,

И не дают вдохнуть глоток души?

Да, больно, очень больно, нестерпимо,

Когда осколки прошлого впились,

И каждый шаг, как будто сквозь тернии,

Ведет к тому, чего ты так страшишься.

Но знай, мой друг, сквозь боль, сквозь эти раны,

Прорастет цветок любви и доброты,
И даже сквозь разбитые экраны,
Засияет свет нежной чистоты.

Ведь каждый шрам – история победы,
Над тьмой, над страхом, над своей бедой,
И пусть осколки прошлого, как следы,
Напомнят, как ты сильный и живой.

Ведь каждый шрам – история побед
Над тьмой, над страхом, над своей бедой,
И пусть осколки прошлого, как след,
Напомнят, что ты сильный, и живой...

Как утренний свет, дрожащий на траве.
В ней эхо ветра, шепот тихого дождя,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.